

ПРИЧИННОСТЬ, ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВОВОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ

© 2014 г. Равия Фаритовна Степаненко¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются проблемы и причинность негативного влияния феномена отчужденности, пограничности и неадаптированности (маргинальности) на качество правовых отношений государства и личности, детерминирующие тенденции увеличения правонарушаемости в современном российском обществе и ведущие к разбалансированности состояний законности и правопорядка. Исследуются и выделяются междисциплинарный и институциональный подходы к изучению правовой маргинальности и ее видов, обосновывается идея построения правовой политики в сфере преодоления процессов правовой маргинализации.

Ключевые слова: отчужденность, пограничность, неадаптированность, маргинальность, правовая маргинальность, правовая политика, каузальность маргинальности.

Annotation: the article discusses the problems and causality of the negative effect of the phenomenon of alienation, marginality and non-adaptivity on the nature of legal relations between state and personality. Attention is paid to the tendency towards an increase in law violation in modern Russian society, resulting in the disbalance of law and order. The paper also identifies the interdisciplinary and the institutional approaches to the study of legal marginality and its types and proves the idea of constructing legal policy in the sphere of overcoming legal marginalization.

Key words: alienation, borderline state, non-adaptivity, marginality, legal marginality, legal policy, causality of marginality.

Фундаментальные преобразования общественной жизни России на рубеже XX–XXI вв. сопровождаются процессами маргинализации широких масс населения, трансформацией социальной структуры и обострением внутренних социально-экономических, духовно-нравственных и иных противоречий. Увеличилось число граждан, находящихся в пограничном, отчужденном и дезадаптированном положении по отношению к системе действующего законодательства и объективно сложившимся в обществе социальным ценностям. Негативные последствия существенной социально-экономической дифференциации выражаются в росте числа лиц, не имеющих постоянного источника доходов, утративших постоянное место жительства, безработных, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, ранее судимых лиц, не сумевших адаптироваться к позитивной правовой жизни, нелегально находящихся на территории Российской Федерации мигрантов, больных алкоголизмом и наркоманией и т.д. В свою очередь, данные процессы негативным образом отражаются на реальном состоянии общественных, в том числе правовых, отношений.

В этой связи внимание ученых акцентируется на проблемах модернизации России, ее правовых институтов, которые должны находить свое отражение в построении, обосновании и реализации правовой политики, выстраиваемой на основе базовых конституционных принципов и верховенства права. «Иное – скатывание в маргинализацию, в страны “третьего мира”»².

Общеправовая концепция маргинальности представляет собой формирующееся научное направление отечественного

правоведения, в настоящее время характеризующееся недостаточной целостностью и разработанностью системных связей с другими разделами общей теории права и юридической науки в целом. В отечественных гуманитарных исследованиях преобладают тенденции изучения культурной, социальной, политической, структурной, этнической, этнорелигиозной и других разновидностей маргинальности. В России защищено более 40 диссертационных работ, объектно-предметной сферой изучения которых является маргинальность³.

В то же время данный феномен как общеправовой конструкт содержательно практически не исследуется. В юридической науке его рассмотрение связано с отдельными проблемами общей теории права, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного, административного права, криминологии, а также права социального обеспечения и др., достаточно фрагментарно останавливающих внимание исследователей на некоторых аспектах и свойствах негативного влияния изучаемого явления на правовую действительность, в связи с чем построение общеправовой теории маргинальности требует приложения усилий многих юридических и междисциплинарных теоретико-познавательных практик, базирующихся на актуализирующемся в настоящее время опыте методологического плюрализма. Поскольку отступление от единообразного понимания и объяснения как самого права, так и изучаемых юридической наукой социально-правовых феноменов (формирующихся и функционирующих в системе общественных отношений) соответствует современной парадигме конвергенции в социогуманитаристике, общеправовая теория маргинальности также ориентирована

¹ Заведующая кафедрой “Теория и история государства и права” НОУ ВПО «Университет управления “ТИСБИ”» (г. Казань), кандидат юридических наук, доцент (E-mail: StepanenkoRF@yandex.ru).

² Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 5.

³ См., например: Нечаева О.В. Правовые аспекты маргинальности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.; Никитин А.А. Маргинальное поведение личности как объект теоретико-правового исследования. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

на синтез (конвергенцию и, далее, конгрегацию) и множественность знаний при построении и обосновании своих положений. Как справедливо отмечает Б.С. Эбзеев, “юриспруденция окажется в выигрыше, если она откажется от весьма удобного, но искусственного монизма, неизбежно ведущего к односторонности, и примирится с более соответствующим многообразию социальной действительности плюрализмом. Речь идет об утверждении в юридической науке синтетической точки зрения на понимание природы общества и места в нем индивида”⁴.

Выстраиваемая нами концепция, целью которой является изучение особенностей, закономерностей и эмерджентных качеств феномена пограничности, отчужденности и дезаккомодации (маргинальности), свойственных субъектам права во взаимоотношениях и взаимодействиях с обществом, государством и соционормативным пространством, базируется на опыте интегрального типа правопонимания, требующем верификации своих идей посредством осуществления рефлексии в различные сферы гуманитарных, а также естественногуманитарных знаний.

С точки зрения рассмотрения уровней и состояния современной правовой мысли наиболее правильным и обоснованным будет такой подход в юридической сфере изучения маргинальности назвать системным, дифференцируя его на два основных направления:

1) **междисциплинарный**, включающий в себя общеправовые: философско-правовые, социолого-правовые, историко-правовые, социально-психологические, политико-правовые, экономико-правовые и другие аспекты анализа феномена правовой маргинальности;

2) **институциональный** (непосредственно в формате теории права и государства), где анализируется правовое положение социальных групп (институтов), находящихся в маргинальном положении (ситуации), а также индивидуальные особенности и свойства маргинального поведения, правовой культуры и правосознания маргинальной личности, правовой статус маргинальных индивидов (групп) и т.д., изучению которых уделяется отдельное внимание.

Представляется, что именно отсутствие системных разработок и выводов по вопросам исследования феномена маргинальности на уровне общей теории права характеризует содержательную разрозненность немногочисленных отраслевых работ в данной сфере при внешнем сходстве формулировок, встречающихся в исследованиях ученых-юристов. При этом в имеющихся отдельных правовых исследованиях по этой проблеме, как правило, комментируются или же носят описательный либо сугубо прикладной характер разработки социогуманитарных наук по вопросам общесоциальной, статусной и других типов маргинальности, но не выявляются и не анализируются должным образом причинность и сущность, специфика и механизмы формирования, формы, пути решения проблемы именно юридических свойств маргинальности.

Если рассматривать общеправовую теорию маргинальности в качестве самостоятельного вида научной рациональности, которую предстоит конструировать усилиями ученого сообщества юристов (с привлечением представителей иных наук), следует отметить, что такая потребность давно

существует. Критерием общенаучной значимости этой проблемы для юриспруденции является изучение, объяснение и изменение взглядов на правовую природу феномена маргинальности, которая сегодня рассматривается преимущественно как проявление негативных качеств данного явления, связанное в основном с неустойчивостью социально-экономического положения личности в обществе и в контексте социальных преобразований⁵. Последнее имеет несомненное значение для познания юридической маргинальности как феномена в общенаучном формате и также исследуется общеправовой теорией маргинальности. Но деструктивизм перманентных проявлений маргинальности в сфере права представляет гораздо более обширный комплекс особенностей и закономерностей, в том числе стохастического характера, изучение которых имеет для юридической науки существенное и перспективное (теоретическое и практическое) значение.

Выдвигаемые общеправовой теорией маргинальности проблемы и гипотезы по месту и назначению в структуре общей теории права редуцированы прежде всего из сферы изучения вопросов правового поведения личности и его видов. Термин “маргинальное поведение” в учебной литературе (в теории государства и права, правоведении) рассматривается преимущественно как свойство правомерного поведения специфической мотивационной направленности, основанной на “избегании” наказания, под страхом привлечения к юридической ответственности⁶, тогда как в научных работах (монографических и диссертационных исследованиях) “маргинальное поведение” интерпретируется в качестве “пограничного” между правомерным и противоправным; близкого к противоправному – неправомерного поведения; объективно противоправного; поведения, противоречащего правовым предписаниям, но не влекущего за собой мер государственного принуждения, и т.д.⁷

Кроме того, теория уголовного права и криминология, а также другие социогуманитарные исследования определяют маргинальное поведение как допреступное, преступное и постпреступное. Делается попытка обоснования и выделения самостоятельного вида преступности – маргинальной преступности⁸.

Устранение отмеченной рассогласованности в понимании маргинального поведения, являясь одной из важных задач общеправовой теории маргинальности, обуславливает актуальность и целесообразность концептуального исследования этой категории при помощи междисциплинарного подхода, наиболее объективно способствующего познанию и объяснению как самого феномена маргинальности, так и видов его проявлений (в т.ч. маргинального поведения), детерминированных влиянием отчужденности, погранич-

⁵ См.: *Сергеев Е. Маргинальность* // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. / Под ред. В.С. Стёпина. Т. 2. М., 2001. С. 492.

⁶ См., например: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. Курс лекций. М., 2002. С. 431; *Лазарев В.В.* Общая теория права и государства. Учеб. М., 2001. С. 238; *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М., 2002. С. 322–325.

⁷ См., например: *Нечаева О.В.* Указ. соч.; *Никитин А.А.* Указ. соч.

⁸ См., например: *Садков Е.В.* Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994; *Раскова А.М.* Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение. Дисс. ... доктора юрид. наук. Иркутск, 2004; *Корнилова О.А.* Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма. Дисс. ... доктора психол. наук. М., 2012; *Маргинальная преступность: комплексное исследование* / Под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2010.

⁴ *Эбзеев Б.С.* Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции России // Доклад на научно-практическом семинаре “Теоретические проблемы современного российского конституционализма” // Гос. и право. 1999. № 4. С. 113–122.

ности и неспособности адаптации индивидов к правовым установлениям, для чего в рамках выстраиваемой нами концепции вводится обобщающее операциональное определение – “правовая маргинальность”, в содержание которого, в частности, входят такие элементы, как субъекты правоотношений в сфере юридической маргинальности: 1) органы государства, организации и граждане, которые в силу своих должностных и иных полномочий и компетенций должны осуществлять правовую политику, направленную на минимизацию и противодействие процессам маргинализации; 2) маргинальная личность как специфический субъект права, идентифицируемый в качестве такового в силу: а) маргинального социально-экономического (“пограничного”, двойственного, отчужденного) положения; б) в зависимости от субъективных социально-психологических, этнокультурных и др. особенностей, характеризующаяся индифферентным, нигилистическим или агрессивным отношением к нормам права.

В силу онтологического статуса правовой сферы как составной части социальной жизни маргинальность предстает в широком смысле как негативное социально-правовое явление, образованное взаимодействием парных свойств юридической материи и связанных с ней условий социальной жизни: стабильности и динамики, устойчивости и неустойчивости, постоянства и временности, социального и асоциального (правомерного и противоправного), внешнего и внутреннего, реального и виртуального, нормы и девиации и т.п.

В узком смысле маргинальность в юридической сфере – это осуществляемый на границе правомерного и противоправного процесс поиска (идентификации) несостоявшегося, изменившегося либо утраченного правового статуса индивидуальных и коллективных субъектов права, формирующегося (сформировавшегося) в результате сложных и динамичных социальных преобразований, преимущественно транзитивного типа.

В более широком общенаучном контексте, правовая маргинальность выступает как феномен, обуславливающий специфические свойства (качества) субъектов правоотношений, находящихся в “пограничной” ситуации (положении), проявляющиеся в различных формах правового отчуждения: удвоении правовой реальности на мир “своих” и “чужих”; дисгармонии (дисбалансе) публичного и частного конфликтов; “параллельном” сосуществовании внутри официальной и неофициальной (теневого) правовой жизни; совершении правонарушений, в том числе преступлений, и т.д.

В познании и объяснении природы правовой (юридической) маргинальности самостоятельную роль имеет изучение ее каузальности, т.е. совокупности одно- и разнопорядковых, ближайших и отдаленных, объективных и субъективных причин, задействованных в формировании этого негативно-социально-правового явления. Для раскрытия сущности деструктивных проявлений маргинальности в сфере права познание ее каузальной природы играет особую роль. Отмечая дискуссионность необходимости каузального познания и объяснения сущности юридических феноменов, в том числе правовой маргинальности, имеющую место в позитивистском подходе, тем не менее следует отметить, что их (её) необходимо рассматривать по меньшей мере на нескольких уровнях: философско-правовом, историко-эмпирическом, социолого-правовом, социально-психологическом, политико-правовом, экономико-правовом, теоретико-правовом и др., а также значительным образом в контексте исследования исторических особенностей и закономерностей зарождения, становления и развития самого права (правогенеза).

Следует отметить, что философская категория каузальности отражает и позволяет познать не только сферу индивидуального правонарушающего поведения человека (антропоцентристский подход), но и наиболее общие законы развития объективного мира, предопределяющие в том числе формирование юридической маргинальности. “Этот закон распространяется на все явления и процессы природы и общества, как индивидуальные, так и массовые, включая те, которые носят вероятностный (стохастический) характер и подчиняются статистическим закономерностям”⁹, – считает В.Н. Кудрявцев.

Первостепенными факторами деятельности социальных объектов являются, по Аристотелю, формальные причины, способные выражаться в двух формах: трансцендентной и трансцендентальной. Трансцендентность, т.е. выражение нормативности внешнего по отношению к субъекту мироустройства, существует в виде “божественных”, универсальных законов, добровольно принимаемых и исполняемых индивидами. Трансцендентальная причина характеризует обыденное отношение индивида к закону, придающее человеческому сознанию и поведению определенную направленность¹⁰.

Экстраполяция данных положений в сферу общеправовой теории маргинальности означает, что направленность поведения лица, мотивируемая неспособностью (по его мнению) внешних нормативных регуляторов как защитить его самого, так и обязать к должному поведению других, представляет собой одну из “формальных” причин юридической маргинальности. В этом контексте В.А. Бачинин отмечает и выделяет важнейшее свойство права как внешнего нормативного регулятора: принуждая, оно освобождает и защищает. Однако, продолжает автор, при этом и освобожденность, и защищенность должны входить в определение сущности права, что далеко не всегда институционализируется в законах¹¹. Впоследствии такая причина, по нашему мнению, детерминирует отчужденность личности от вербального ценностно-нормативного пространства, т.е. создает предпосылки формирования и развития индивидуальной юридической маргинальности, рассмотренные нами ранее в работе “Каузальная природа маргинального поведения: философско-правовые аспекты”¹².

Помимо формальных причин в каузальном комплексе правовой маргинальности, следуя логике Аристотеля, можно выделить и материальные факторы: политические, идеологические, социально-экономические, духовно-нравственные и другие общесоциальные причины отчужденности; деятельностные или активные (качество законодательной и недостатки правоприменительной деятельности в сфере защиты конституционных прав и свобод граждан, дисперсионность установления обязанностей, в том числе в сфере правового регулирования маргинального поведения, а также непосредственно свойства самого маргинального поведения, характеризующегося индифферентным, нигилистическим и агрессивным отношением к праву и т.д.); целевые (стратегия обоснования, способы и формы реализации задач правовой политики, правовой идеологии, задач которых заключается в установлении социального равновесия и порядка, закон-

⁹ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М., 2007. С. 6.

¹⁰ См.: Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 1. М., 1976. С. 70.

¹¹ См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 645–657.

¹² См.: Степаненко Р.Ф. Каузальная природа маргинального поведения: философско-правовые аспекты // Философия права. 2013. № 2. С. 112–116.

ности и т.д.). В этом каузальном ряду могут существовать и другие причины.

Как показывают наши историко-правовые исследования, начиная с периода функционирования первых государственных устройств, и в частности древнерусской государственности, реальными деятельностными предпосылками формирования правовой маргинальности становятся *несоответствие и явная диспропорциональность* между иерархически выстраиваемой властью системой статусно-правовых и поведенческих предписаний, основанных на принципах существенной социальной дифференциации и не согласующихся с позициями и представлениями основных социальных групп о справедливости, морали, равенстве, цивилизованности отношений между властью и человеком и т.д. Исторически складывающаяся взаимная правовая отчужденность законодательствующих, правоприменяющих субъектов и тех, кому в основном были адресованы правила поведения, со временем приобретала уже значительную (геополитическую и темпоральную) масштабность, традиции которой, к сожалению, сохраняются до сих пор¹³. Данный исторический сегмент исследования в выстраиваемой нами концепции представляется важным с точки зрения одного из методологических подходов научной рациональности – принципа историзма (историзма), в рамках которого “любые исторические данные есть эмпирические факты”¹⁴.

Не относя их к типичным, по мнению В.М. Баранова, элементам эмпирической базы юридической науки, в то же самое время их следует изучать и использовать в рамках решаемых проблем в соответствии с теоретической позицией и поставленной исследователем задачей в целях подтверждения надежности и истинности выдвигаемой гипотезы¹⁵.

На современном концептуальном общеправовом уровне каузальными факторами негативных проявлений маргинальности в сфере права выступают такие процессы и явления, которые, не всегда имея аналог в истории развития конкретного народа, обращены к настоящему и будущему положению дел в системе общественных, в том числе социально-правовых, отношений. Нам представляется, что к числу актуальных сегодня (деятельностных и целевых) причин правовой (юридической) маргинальности могут быть отнесены:

1) темпоральное ускорение инновационных процессов и процедур в глобализации (или, наоборот, антиглобализации) правовой культуры при одновременном ослаблении/сохранении специфики региональных и локальных правовых традиций. Искусственно ускоренное вхождение национальных систем права в мегакультурное правовое пространство (или, наоборот, попытки выхода из него) могут провоцировать формирование политической, социально-экономической, этнокультурной, правовой и других видов маргинальности;

2) максимальное усложнение (или, наоборот, упрощение), социально-экономического, демографического, духовно-культурного и других факторов развития постиндустриальных обществ, обусловленных неритмичностью и дискретностью их механизмов и темпов развития, которые могут являться причиной стагнации или даже дезэволюции современного права. Необходимо принимать во внимание,

что нормативное регулирование не способно ускоренно адаптироваться, так же как и общественная жизнь, к новым условиям в случае их скачкообразных изменений¹⁶;

3) преобладание различий и противоположностей в соотношениях публичного и частного интересов в праве над их единством, доминирование политических, экономических, идеологических и иных интересов государства над потребностями граждан;

4) дисгармония, неактуальность, низкая эффективность, технико-юридическое несовершенство законодательства, его пробельность и т.д.;

5) правовая неосведомленность, неинформированность граждан о содержании и изменениях действующего законодательства, низкий уровень правового сознания и правовой культуры, недостатки правовой идеологии и многое другое.

Каузальный комплекс природы правовой маргинальности чрезвычайно разнообразен, но не следует забывать о том, что объективные предпосылки, условия и причины данного социально-правового явления формируются в результате волевой, сознательной кумулятивной деятельности как субъектов, в частности правотворчества и правоприменения, так и в психологической структуре индивидов, значительная часть которых может находиться (находится) в маргинальной ситуации (положении). Это особенно актуально для переходного состояния современного российского общественного устройства. Органы государства (законодатель, правоприменитель и др.) должны в соответствии с предназначением своих полномочий и компетенций предпринимать все возможные меры по защите прав и свобод, а также по добросовестному исполнению обязанностей любой личностью, в том числе маргинальной. Последняя обязана их соблюдать, впрочем, так же как и сами представители всех ветвей власти.

В условиях глубоких мега- и микроуровневых общественных изменений, в том числе по причине неконсеквентности проводимых правовых реформ в современной России, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, юридическую маргинальность следует расценивать как неизбежное явление, побочный атрибут всевозможных модернизаций, обуславливающих как “пограничность” правового состояния (положения) значительного числа российских граждан, так и отчужденность ценностно-нормативного пространства от смысла права, в том числе субъектами, его конструирующими.

В данной “стыковой ситуации конфликта” различных правовых установок и мотиваций, которая особенно характерна для периодов трансформаций, заложена одна из важнейших характеристик современной правовой жизни, налагающая “отпечаток” как на качество личностной нравственно-психологической структуры субъектов права, так и на содержание самого законодательства. Динамизм данных пограничных, отчужденных или отчуждающих от социально-правовой реальности состояний в значительной степени влечет за собой формирование как правонарушающих индивидуальных свойств поведения, так и “маргинализированность”, собственно норм права.

В таких случаях возникает вероятность функционирования таких видов правовой маргинальности, как:

1) внутренне конструируемая, “скрытая” правовая маргинальность, при которой субъекты права действуют вполне в пределах юридической нормы, но по своим внутренним мотивам, целям и желаниям (объективного и субъективного характера) не стремятся к их подлинной реализации.

¹⁶ См.: Тимаев Н.С. Указ. соч. С. 96.

¹³ См. подробнее: Степаненко Р.Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности / Под ред. О.Ю. Рыбакова. Казань, 2012.

¹⁴ Тимаев Н.С. Методологические работы: 1920–1930 / Сост.: Л.Ф. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, Д.М. Рогозин. М., 2010. С. 24.

¹⁵ См.: Баранов В.М., Перишин В.Б., Перишина И.В. Методология эмпирического правового исследования: основные понятия и дискуссионные вопросы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 27, 28.

Здесь речь идет об общей отчужденной и отчуждающей мотивации индифферентно-правового поведения субъектов правоотношений (государства и личности) на грани удержания баланса социально-групповых и личностно-значимых интересов с использованием самого закона как “ширмы”, удобного инструмента (в духе правовой спекуляции);

2) *внешне и явно выраженная* правовая маргинальность, т.е. когда собственное поведение лица “отчуждено” от осознания и исполнения официально установленной нормы, закрепленной в действующих законодательных актах, и, далее, в зависимости от степени его дезадаптации к позитивной юридической жизни общества и негативного влияния микроокружения и макросферы и др., становится предрасположенным к совершению разного рода неправомерных деяний.

Так, например, следуя этой логике, В.В. Лазарев подразделяет неправомерное поведение на правонарушения и отклонения от правопорядка¹⁷. В данном контексте общеправовая теория маргинальности говорит уже о нигилистическом и агрессивном отношении к праву, свойственном как непосредственно маргинальным индивидам, так и положениям отдельных законов, находящихся за “границей” права (в духе правового нигилизма, радикализма или дефектологии права), в связи с чем составной частью общеправовой теории маргинальности, на наш взгляд, является конкретно юридическая проблема установления, видоизменения или прекращения действия правовых норм (минимизирующих, или, наоборот, порождающих), способствующих правовой демаргинализации. Это тем более ценно для юридической науки потому, что обычно принято рассматривать законодательство именно как регулятор общественных отношений, но не как непосредственный фактор, интенсифицирующий рост правовой маргинальности.

По нашему мнению, необходимо остановить внимание на том, что существует немалая часть правовых норм и даже нормативно-правовых актов, которые в силу объективных причин или субъективных мотиваций законодателей могут выступать как источник правовой маргинальности. Это довольно часто происходит тогда, когда законодательство или пробельно, или излишне ужесточено, или существенно либерализовано по сравнению с реальными потребностями юридической практики.

Под такими источниками (формами) правовой маргинальности следует понимать нормативные правовые предписания в различных отраслях права, которые по целям, сфере направленности и кругу адресатов заранее ориентированы на собственную неэффективность или недостаточную эффективность, отсутствие цели в достижении юридически значимого результата, создают пробелы в правовом регулировании, коллизии, конкуренцию, дефекты, юридические ошибки и (или) порождают необоснованный правовой риск, т.е. всё то, что изучает и подвергает справедливой критике юридический позитивизм.

В контексте общеправовой теории маргинальности таким примером могут служить, на наш взгляд, нормы административного законодательства Российской Федерации и ее отдельных субъектов. В частности, это относится к мерам административного законодательства, предусматривающего наказание в виде штрафа за занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ) или введенного в четырех субъектах Федерации (г. Москва, Республики Чувашия и Татарстан, Красноярский край) административного наказания за занятие попрошайничеством, именуемым в региональных законах “назойливым

приставанием к гражданам с целью гадания, попрошайничества, оказания услуг сексуального характера” и т.д.

Так, ст. 3.8 Кодекса г. Москвы об административных правонарушениях (Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45) определено, что приставание к гражданам в общественных местах, т.е. нарушение общественного порядка, выразившееся в навязчивых действиях гражданина, осуществляемых в отношении других граждан против их воли, в целях купли-продажи, обмена или приобретения вещей иным способом, а также в целях гадания, попрошайничества, оказания услуг сексуального характера либо навязывания иных услуг в общественных местах, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 100 до 500 руб.¹⁸

Безусловно, эффективность таких запретов и способов их обеспечения не может иметь однозначной оценки, так же как и проблема установления иных “превентивных” механизмов по предотвращению негативных форм проявлений маргинального поведения не имеет скорее всего ближайшего разрешения. Однако если такие виды наказания, как штрафы за занятие бродяжничеством, попрошайничеством, проституцией и т.д., становятся в первую очередь источником пополнения бюджетных сфер, то эффективность правовой политики в этой сфере оказывается, по нашему мнению, не только “нулевой”, но и дискредитирует ценность самого права.

В контексте изучения материальных причин правовой маргинальности подвергается критике и современная правовая социальная политика. В частности, это относится к установленному федеральным законодательством минимальному размеру оплаты труда в Российской Федерации в сумме 5554 руб. в месяц¹⁹, размеру средней заработной платы, которая в России в 10 с лишним раз меньше, чем в европейских странах: Россия – 32,5 тыс. руб. (по данным ЦБ РФ и Росстата – 26.489 руб.)²⁰; Германия – 357 тыс. руб.; Франция – 372 тыс. руб.; США – 240 тыс. руб.²¹ В настоящее время существующая пропасть между бедными и богатыми в России достигла предела: если в мире состояние миллиардеров составляет 1–2% от национального богатства, то у нас 110 самых богатых россиян владеют 35% благосостояния страны. Однако разница в доходах между самыми бедными и самыми богатыми в России более чем в 17 раз признана социально опасной в мире²², что не может не обращать на себя внимания при формировании политики государства в сфере обеспечения социально-экономических прав граждан, в особенности социально не защищенных слоев населения.

Изучая и отмечая наличие в современном российском законодательстве нормативно-правовых актов, априори порождающих, по нашему мнению, процессы социально-правовой маргинализации, мы хотя и отмечаем, но специально теоретически отграничиваем их от объективно сложившихся проблем юридической техники при формулировании текстов законов (организационные и временные затраты, большое число законопроектов, недостаточная укомплектованность обслуживающего аппарата, поверхностный анализ социальных, экономических, политических и иных условий функционирования правовых норм, сложность выбора одного из нескольких принципиальных альтернативных вариантов законодательного урегулирования конкретной юридической

¹⁸ См.: Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.

¹⁹ См.: <http://www.rosmintrud.ru/> (Дата обращения: 10.02.2014 г.).

²⁰ См.: Аргументы и факты. 2013. № 45. С. 15 // <http://www.AIF.ru>

²¹ См.: Труд ценят, но не в России // Там же. 2013. № 42. С. 18 // Там же.

²² См.: Аргументы и факты. 2013. № 44. С. 27 // Там же.

¹⁷ См.: Лазарев В.В. Указ. соч. С. 265.

сферы и т.п.). Дело, на наш взгляд, не только и не столько в этом.

Научно-теоретическое осмысление проблемы построения правового государства, в том числе посредством изучения путей преодоления правовой маргинальности, – это серьезная теоретическая и аналитическая работа, в которой, однако, “скрупулёзная разработка единичных концептов – бессмысленное занятие, если отсутствует общая идея, задающая жесткие координаты в концептуальном пространстве”²³. Такой идеей (особенно с учетом ее формализации в ст. 1 Основного Закона) является доктринальность цели построения правового государства, реализации процессов которой должны способствовать и иные “генетически” связанные с нею государственно-правовые теории²⁴, помогающие воплотить ее замыслы в действительность. Одной из них, на наш взгляд, является концепция правовой политики, в том числе такое важнейшее ее направление, как правотворчество.

Как считает О.Ю. Рыбаков: «Оценка современного правотворчества приводит к констатации отсутствия системности в создании законов. Принимаются законы, являющиеся малоэффективными, ибо они не соответствуют возможностям социально-экономического развития общества, не имеют соответствующих гарантий реализации. Имеются и неустраиваемые законы... Ожидать покорения высот в деле правотворчества, юридической технике нового времени, даже учитывая накопленный законодателем опыт последних лет, было бы преждевременным. В советских условиях сложились вполне очевидные традиции создания норм права. Сейчас формируются новые традиции, но эта “новизна” весьма относительна и неустойчива»²⁵.

Попытки перманентного реформирования законодательства, принятие достаточно противоречивых (чрезмерно либеральных либо максимально жестких) норм, предельно ясно не устанавливающих *ответственность* за их нарушение не только граждан, но и *государства*, значительно нивелируют телеологическую (цель и результат) идею построения правового государства.

В особенности данное положение относится к исторически складывающимся тенденциям “обновления” Основного Закона, которые имели место в отношении как прежней Конституции РСФСР (1978 г.), так и действующей Конституции РФ (1993 г.). В частности, как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, например, за недавний срок действия прежней Конституции РСФСР 1978 г. было внесено почти 350 внутренне несогласованных поправок, изменений и дополнений, размывающих ее текст. Так рушится авторитет права²⁶.

²³ Тимашев Н.С. Указ. соч. С. 16.

²⁴ См.: Марченко М.Н. Теория правового государства в системе других государственно-правовых теорий // Гос. и право. 2011. № 8. С. 5–11.

²⁵ Рыбаков О.Ю. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2011. С. 59.

²⁶ См.: Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1997. С. 51.

Изучение природы правовой маргинальности видится нами как комплексная научно-обоснованная правовая проблема, требующая дальнейшего ее разностороннего исследования. Одновременно она является одной из неотъемлемых характеристик правовой жизни общества и одним из важнейших качеств (свойств) субъектов права, в том числе оказавшихся в силу объективных и субъективных причин в маргинальном положении (ситуации).

Изложенное позволяет понимать под правовой маргинальностью систему взаимодействующих и взаимообуславливающих друг друга факторов объективного (политического, социально-экономического, идеологического, законодательного, культурного и др.) и субъективного (лично-био психологического, духовно-нравственного и др.) характера, детерминирующую взаимное отчуждение, пограничность и неадаптированность к ценностям права субъектов правоотношений (в широком смысле – государства и личности).

Представляется, что в современных условиях есть все основания сосредоточить исследовательское внимание юридической науки на сфере общеправовой концепции маргинальности, ставящей основной из своих задач – стратегию построения правовой политики, синтезирующуюся в единую, в том числе антропоцентричную, систему, ядром которой должны быть права и свободы человека, где он предстает как главный критерий, основная ценность бытия²⁷.

Рассмотрение состояния современной отечественной правовой реальности, в том числе факторов, косвенно либо опосредованно нивелирующих ценность Человека, принципов права, самого права и многого другого, требует от юридической науки выдвижения доктринальных идей по преодолению правовой маргинальности, отдаляющей и отделяющей юридическую действительность от самой *идеи права*.

Особенно важным является напоминание о том, что “эволюция права идет от идей к нормам, затем через реализацию норм – к общественной практике”²⁸, где взаимная ответственность человека и государства должна образовывать целостную, сбалансированную социально-правовую систему, конструированную на началах “правовой меры” свободы, равенства, справедливости.

Построение современного правового государства должно базироваться на идее социально-правового развития, обусловленного социальными и правовыми началами. Реализация концепции социального государства, концепции эффективного государства и в идеале – правового государства невозможна без становления нового формата отношений между личностью, обществом и государством, сформулированного в стратегии современной российской правовой политики²⁹, способной противостоять процессам правовой маргинализации в современном российском обществе.

²⁷ См.: Рыбаков О.Ю. Указ. соч. С. 21.

²⁸ Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 56.

²⁹ См.: Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2013. С. 391–394.